

Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Николай Александрович Бердяев

Демократия, социализм и теократия

Меня интересуют духовные первоосновы демократии и социализма, и поэтому я сделаю предметом своего исследования не многообразные формы полудемократии и полусоциализма, а предельные выражения этих типов, их "идеи". Существуют разнообразие переходные формы между демократией и социализмом, их сближения и сочетания. Существуют многочисленные партии, которые именуют себя социал-демократическими. Но правы были большевики, когда они отменили наименование социал-демократов и дали себе имя коммунистов, т.е. вернулись к "Коммунистическому манифесту". Маркс был коммунистом. Он не был социал-демократом. И никогда Маркс не был демократом. Пафос его существенно антидемократический. "Научный" социализм возник и вошел в мысль и жизнь народов Европы не как демократическое учение. Также не демократичен и антидемократичен был и утопический социализм Сен-Симона, который был реакцией против французской революции и во многом родственен был духу Ж. де Местра. Демократия и социализм принципиально противоположны. Русские коммунисты правы в этом своем утверждении. Демократический социализм жоресовского типа, обосновываемый в рамках декларации прав человека и гражданина, не есть настоящий социализм. Это - полусоциализм, не чисто выражающий социалистическую идею. Наши социалисты-революционеры и правые меньшевики тоже, скорее, левые демократы, чем социалисты.

Демократия носит формальный характер, она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания. Демократия не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели. В тот момент как демократия познает цель, к которой должна стремиться воля народа, обретет достойный предмет для своей воли, наполнится положительным содержанием, она должна будет эту цель, этот предмет, это содержание поставить выше самого формального принципа волеизъявления, положить в основу общества. Но демократия знает только формальный принцип волеизъявления, которым дорожит превыше всего и который ничему не хочет подчинять. Демократия безразлична к направлению и содержанию народной воли и не имеет в себе никаких критериев для определения истинности или ложности направления, в котором изъясняется народная воля, для определения качества народной воли. Народовластие - беспредметно, оно не направлено ни на какой объект. Демократия остается равнодушной к добру и злу. Она - терпима, потому что индифферентна, потому что потеряла веру в истину, бессильна избрать истину. Демократия - скептика, она возникает в скептический век, век безверия, когда народы утеряли твердые критерии истины и бессильны исповедовать какую-либо абсолютную истину. Демократия есть крайний релятивизм, отрицание всего абсолютного. Демократия не знает истины, и потому она предоставляет раскрытие истины решению большинства голосов. Признание власти количества, поклонение всеобщему голосованию возможны лишь при неверии в истину и незнании истины. Верующий в истину и знающий истину не отдает ее на растерзание количественного большинства. Демократия носит секулярный характер, и она противоположна всему сакральному обществу, потому что она формально бессодержательна и скептика. Истина сакральна, и общество, обоснованное на истине, не может быть исключительно секулярным обществом. Секулярная демократия означает отпадение от онтологических основ общества, отпадение общества человеческого от Истины. Она хочет политически устроить человеческое общество так, как будто Истины не существовало бы, это основное предположение чистой демократии. И в этом коренная ложь демократии. В основе демократической идеи лежит гуманистическое самоутверждение человека. Человеческая воля должна направлять человеческие

Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия filosoff.org
общества, и нужно устранить все, что мешает изъявлению этой человеческой воли и окончательно ее господству. Этим отрицаются духовные основы общества, лежащие глубже формального человеческого волеизъявления, и опрокидывается весь иерархический строй общества. Демократия есть психологизм, противоположный всякому онтологизму.

Предпосылкой демократии является крайний оптимизм. Скептицизм демократического общества – оптимистический, а не пессимистический скептицизм. Демократия не приходит в отчаяние от утери Истины. Она верит, что изъявление воли большинства, механический подсчет голосов всегда должны вести к добрым результатам. Формальное изъявление воли народа ведет к какой-то правде, порождает какое-то благо. В основе демократии лежит оптимистическая предпосылка о естественной доброте и благодости человеческой природы. Духовным отцом демократии был Ж.-Ж. Руссо, и оптимистические представления его о человеческой природе передалась демократическим идеологиям. Демократия не хочет знать радикального зла человеческой природы. Она как будто бы не предусматривает того, что воля народа может направиться ко злу, что большинство может стоять за неправду и ложь, а истина и правда могут остаться достоянием небольшого меньшинства. В демократии нет никаких гарантий того, что воля народа будет направлена к добру, что воля народа пожелает свободы и не пожелает истребить всякую свободу без остатка. Во французской революции революционная демократия, начавшая с провозглашения прав и свободы человека, в 1793 году не оставила никаких свобод, истребила свободу без остатка. Воля человеческая, воля народная во зле лежит, и, когда воля эта, самоутверждающаяся, ничему не подчиненная и не просветленная, притязает самодержавно определять судьбы человеческих обществ, она легко сбивается на путь гонения против истины, отрицания всякой правды и угашения всякой свободы духа. Демократия возникла из пафоса свободы, из признания неотъемлемых прав каждого человека, – и правдой демократии как будто бы является утверждение свободы совести, свободы выбора. Указывают защитники демократии на то, что демократия духовно родилась в провозглашении свободы совести религиозными обществами эпохи Реформации в Англии. Но формально бессодержательное и негативное понимание свободы таило в себе яд, который разъедал исторические демократии и уготовлял в них гибель свободы духа. Руссо отрицал свободу совести в принципе. Робеспьер истреблял ее на деле. Самодержавный народ может насиловать совесть людей, может лишать какой угодно свободы. Токвиль и Миль, которых нельзя назвать врагами демократии, с большим беспокойством говорят об опасностях, которые несет с собой демократия, об опасностях для свободы человека, для индивидуальности человека. Демократия индивидуалистична по своей основе, но по роковой своей диалектике она ведет к антииндивидуализму, к нивелированию человеческих индивидуальностей. Демократия – свободолюбива, но это свободолюбие возникает не из уважения к человеческому духу и человеческой индивидуальности, это – свободолюбие равнодушных к истине. Демократия бывает фанатической лишь в стихии революции. В мирном, нормальном бытии своем она чужда всякого фанатизма, и она находит тысячу мирных и неприметных способов нивелировать человеческие индивидуальности и угасить свободу духа. Истинной свободы духа, быть может, было больше в те времена, когда пылали костры инквизиции, чем в современных буржуазно-демократических республиках, отрицающих дух и религиозную совесть. Формальное, скептическое свободолюбие много сделало для истребления своеобразия человеческой индивидуальности. Демократии не означают непременно свободы духа, свободы выбора, этой свободы может быть больше в обществах не демократических.

Демократия возникает, когда распадается органическое единство народной воли, когда атомизируется общество, когда гибнут народные верования, соединявшие народ в единое целое. Идеология, признающая верховенство и самодержавие народной воли, возникает тогда, когда народной воли уже нет. Демократия есть идеология критической, а не органической эпохи в жизни человеческих обществ. Демократия и ставит своей целью собрать распавшуюся народную волю. Но человеческая личность есть для нее отвлеченный атом, равный всякому другому, и задача воссоединения людей есть механическая задача. Демократия в силах только механически суммировать волю всех, но общей воли, органической воли народа от этого не получается. Органическая воля народа не может быть арифметически выражена, она необна-ружима никаким подсчетом голосов. Воля ' эта обнаруживается во всей исторической жизни народа, во всем складе его культуры, и прежде всего и более всего она находит себе выражение в религиозной жизни народа. Вне органической религиозной почвы, вне единства религиозных верований не существует единой, общей воли народа. Когда падает народная воля, народ распадается на атомы. И из

Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия filosoff.org
атомов нельзя воссоздать никакого единства, никакой общности. Остается только механическая сумма большинства и меньшинства. Происходит борьба партий, борьба социальных классов и групп и образуется равнодействующая в этой борьбе. Демократия и есть арена борьбы, столкновение интересов и направлений. В ней все непрочное, все нетвердое, нет единства и устойчивости. Это – вечное переходное состояние. Демократия создает парламент, самое неорганическое из образований, орган диктатуры политических партий. Все кратковременно в демократическом обществе, все устремлено к чему-то, выходящему за пределы самой демократии. Подлинная онтологическая жизнь находится за пределами демократии. Демократия слишком задерживается на формально бессодержательном моменте свободы выбора. Монархисты и социалисты с разных сторон подтачивают жизнь демократических обществ и требуют, чтобы выбор, наконец, совершился, чтобы содержание было найдено. Демократия признает суверенным и самодержавным народ, но народа она не знает, в демократиях нет народа. То оторванное человеческое поколение очень краткого отрывка исторического времени, исключительно современное поколение, даже не все оно, а какая-то часть его, возомнившая себя вершительницей исторических судеб, не может быть названо народом. Народ есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения, не только живущие, но и умершие, и отцы, и деды наши. Воля русского народа есть воля тысячелетнего народа, который через Владимира Святославича принял христианство, который собирал Россию при великих князьях московских, который нашел выход из Смутной эпохи, прорубил окно в Европу при Петре Великом, который выдвинул великих святых и подвижников, и чтит их, создал великое государство и культуру, великую русскую литературу. Это не есть воля нашего поколения, оторвавшегося от поколений предыдущих. Самоуверждение и самоутверждение современного поколения, превозношение его над умершими отцами и есть коренная ложь демократии. Это есть разрыв прошлого, настоящего и будущего, отрицание вечности, поклонение истребляющему потоку времени. В определении судьбы России – должен быть услышан голос всего русского народа, всех его поколений, а не только поколения живущего. И потому в волю народа, в общую волю, органическую волю входят историческое предание и традиция, историческая память о поколениях, отошедших в вечность. Демократия не хочет этого знать, и потому она не знает воли народа, а знает лишь механическое суммирование воли ничтожной кучки современников. Кризис демократии давно уже начался. Первое разочарование принесла с собой французская революция, которая не осуществила своих обетований. Новейшие демократии стоят на перепутье в мучительном бессилии и недовольстве. Они растерзаны внутренним раздором. В демократических обществах нет ничего органического, ничего прочного, ничего от духа вечности. Они свободолюбивы лишь в смысле равнодушия к добру и злу, к истине и лжи. Рождаются сомнения во всеобщем избирательном праве, совершенно механическом, рассматривающем человека как бескачественный атом. Ищут выхода в корпоративном представительстве, в возвращении к средневековому цеховому началу. Так думают обрести органические единства, в которых человек не будет уже оторванным атомом. Разочарование в демократии и кризис ее связаны с ее бессодержательно-формальным характером. Начинаются мучительные искания содержания народной воли, искания праведной, истинной, святой народной воли. Важно не то, чтобы народная воля, воля всех была формально изъявлена и количественное большинство определило судьбы общества согласно любому направлению этой воли. Важно, на что направлена воля народа, важно качество этой воли. Социализм подвергает пессимистической критике демократию, скрывает ее бессодержательность и переходит к определенному качественному содержанию. Он знает тот избранный народ, который хочет осуществления социальной правды, который имеет предметную направленность. Социализм выдвигает начало, диаметрально противоположное демократии.

II

Социализм, в противоположность демократии, носит характер материально-содержательный, он знает, чего хочет, имеет предмет устремления. Он не безразличен к тому, на что направлена народная воля, и не претендует на знание истины, и потому он не отдает решение вопроса об истине механическому большинству голосов. По психологическому типу своему социализм не скептивен. Социализм есть вера, он претендует быть новой верой для человечества. Утопический социализм Сен-Симона и научный социализм Карла Маркса одинаково выступают с религиозными притязаниями, хотя и дают целостное отношение к жизни, решить все вопросы жизни. Установка воли в социализме иная, чем в демократии, более напряженная, более цельная и централизованная, направленная к единому

Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия filosoff.org всеохватывающему предмету. Социализм по природе своей не может допустить парламента мнений, свободной арены борьбы партий и интересов, которую так любит скептическая демократия. Социализм ищет и находит народную волю, обладающую истинным содержанием, праведную волю, святую волю. Социализм утверждает не формальный суверенитет народа, нации, а материальный суверенитет избранного класса, воля которого обладает особенными качествами. Социализм имеет мессианский характер. Существует избранный класс – пролетариат, класс-мессия, он чист от первородного греха, в котором зачиналось все в истории, который лежит в основании всей культуры, "буржуазной" культуры, – греха эксплуатации человека человеком, класса классом. Этот мессианский класс и есть зачаток истинного человечества, грядущего человечества, в котором не будет уже эксплуатации. Пролетариат – новый Израиль. Все атрибуты избранного народа Божьего переносятся на этот мессианский класс. Он должен быть избавителем и освободителем человечества, он должен осуществить Царство Божье на земле. Древний еврейский хилиазм в секуляризированной форме вновь повторяется в поздний час истории. Избранный класс осуществляет наконец то обетованное земное царство, блаженство во Израиле, которое не осуществил Мессия-Распятый. Это и есть тот новый мессия, устроитель земного царства, во имя которого был отвергнут старый Мессия, возвестивший царство не от мира сего. Суверенитет пролетариата противопоставляется суверенитету народа. Пролетариат и есть истинный народ, справедливый народ, обладающий всеми качествами, гарантирующими направленность воли к высшему типу жизни. Только пролетариату в нашу эпоху присуща подлинная жизнь, максимум жизни. Это – побеждающий, а не только угнетенный класс, он развернет высшую мощь человечества, овладеет окончательно стихиями природы, максимально разовьет производительные силы. Переход власти к этому классу будет означать прыжок в царство необходимости, в царство свободы, мировую катастрофу, после которой и начнется истинная история или сверхистория. Таковы упования классического, революционного социализма. Он интереснее и показательнее, чем переходные и половинчатые формы фактической социал-демократии, которая оппортунистически приспособляется к буржуазной жизни.

Но ошибочно было бы думать, что, согласно классическому социалистическому сознанию, суверенитет должен принадлежать фактическому, империческому пролетариату как человеческому количеству. Суверенитет принадлежит не пролетариату как факту, а пролетариату как "идее". "Идее" пролетариата должно принадлежать господство в мире. В этом отношении социализм есть не имперический реализм, а идеализм. Носителем "идеи" пролетариата, знающим истину, является избранное меньшинство, наиболее сознательная кучка. Полнота власти должна принадлежать этому избранному меньшинству. В этом отношении социализм по-своему аристократичен, а не демократичен. Во имя этой "идеи", во имя истинной пролетарской воли, которая может быть достоянием лишь немногих, во имя сознанных немногими интересов пролетариата, которые суть также интересы человечества, над фактическим, эмпирическим пролетариатом можно производить какое угодно насилие. Пушками, штыками и батогами можно принуждать фактический пролетариат, несознательную человеческую массу, к осуществлению "идеи" пролетариата. Социализм в принципе отрицает суверенитет народа, свободное изъявление воли народа и право каждого гражданина участвовать в этом волеизъявлении. В этом он существенно противоположен демократии. Но антидемократизм его идет дальше. Социализм не только признает лишь за избранным классом – пролетариатом, обладающим истинным направлением воли, право на свободное волеизъявление. Это право принадлежит лишь избранной части пролетариата, лишь рабочим, обладающим социалистической волей, и не только социалистической, но истинно социалистической, то есть, например, "большевистской" социалистической волей, а не "меньшевистской" социалистической волей. Всех рабочих, которые не сознали "идеи" пролетариата, не обладают истинной социалистической волей, можно и должно лишить права на изъявление воли и направление общественной жизни. Отсюда принципиальное оправдание диктатуры, тираническое господство меньшинства, истинных носителей чистой социалистической "идеи", над большинством, пребывающем в тьме. Революционный, мессианский социализм не может не стоять за диктатуру, она вытекает из пафоса социализма, из его лжемессианского притязания. В резкой противоположности демократии социализм отдает полноту власти и наделяет атрибутами самодержавного могущества лишь волю определенного качества, волю социалистическую, т.е. истинную, праведную волю. Социализм принципиально нетерпим и эксклюзивен, он по идее своей не может предоставить никаких свобод своим противникам, инакомыслящим. Он принужден отрицать свободу совести. Он есть система Великого Инквизитора и Шигалева. Он хочет решить судьбу человеческих обществ, отрицая свободу духа.

Социалистическое общество и государство по типу своему вероисповедальное, сакральное, а не секулярное, не светское. В социалистическом государстве есть господствующее вероисповедание, и принадлежащие к этому господствующему вероисповеданию должны иметь привилегированные права. Это государство не равнодушно к вере, не индифферентно, как государство либерально-демократическое, оно декретирует свою истину и понуждает к ней. Те, которые не признают социалистической веры, должны быть поставлены в положение, аналогичное тому, в котором находились евреи в старых теократических христианских обществах. Вероисповедное социалистическое государство претендует быть сакральным, священным государством, осененным благодатью, не Божьей, а дьявольской, но непременно благодатью. В этом существенная противоположность социалистического государства правовому демократическому государству. Социализм так же отрицает свободу совести, как и средневековая католическая теократия. Он хочет принудить к правде добродетели, не оставляя свободы избрания, как либеральная демократия. В социализм перешло ложное притязание старой теократической и империалистической идеи, идеи внешнего, принудительного единства человечества, количественного универсализма. Социалистические утопии, которые слишком многим представлялись уютными снами человечества, никогда не обещали никаких свобод. Они всегда рисовали картины совершенно деспотических обществ, в которых свобода была истреблена без остатка. В утопии Томаса Мора свободное передвижение из одного места в другое оказывалось не более легким, чем в самые тяжелые годы существования советской социалистической республики. В утопии Кабэ существует лишь одна правительственная газета и совершенно не допускается существование свободных органов печати. Утопии плохо знали или забыли и слишком воздыхали о невозможности их осуществления. Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления. Большевики считали у нас утопистами, далекими от реальных жизненных процессов, реалистами же считали кадетов. Опыт жизни научает обратному. Утопистами и фантазерами были кадеты. Они мечтали о каком-то правовом строе в России, о правах и свободах человека и гражданина в русских условиях. Бессмысленные мечтания, неправдоподобные утопии! Большевики оказались настоящими реалистами, они осуществляли наиболее возможное, действовали в направлении наименьшего сопротивления, они были минималистами, а не максималистами. Они наиболее приспособлялись к интересам масс, к инстинктам масс, к русской традициям властвования. Утопии осуществимы, они осуществимее того, что представлялось "реальной политикой" и что было лишь рационалистическим расчетом кабинетных людей. Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее "совершенному" и более свободному обществу. Отныне не будут уже мечтать о социализме, о котором мечтали у нас почти все, не только социалисты. Ведь и русский либерал думал, что ничего выше социализма нет, но что социализм, к сожалению, не осуществим, и сам он не стоит на достаточной высоте героизма, чтобы такой высокий идеал осуществить. Теперь будут мечтать не о совершенном, а о несовершенном строе, т.е. более вольном строе. Свобода, по-видимому, связана с несовершенством, с правом на несовершенство. Социализм есть тип авторитарного общества, в этом он во всем подобен теократическому обществу и государству. Гениально остро К. Леонтьев, предвидевший торжество в России именно социалистической революции и предсказавший ее, говорит, что для социализма понадобятся вековые предания покорности, инстинкты повиновения. Он знал, что социализм будет основан не на розовой воде, а на крови человеческой. В этом он стоит бесконечно выше большей части русских людей, столетия мечтавших об идиллии социализма и воображавших, что социализм есть свобода. Нет уж, нужно выбирать – или социализм или свобода духа, свобода совести человеческой. Это гениально понимал Достоевский. Социализм утверждает такого рода "сакральную власть" и "сакральное общество", что не остается места ни для чего "мирского", ни для чего вольного и переходного, для свободной игры человеческих сил. Социализм хочет владеть всем человеком, не только телом, но и душой его. Он претендует на самую интимную и сокровенную глубину человеческой души. В этом выступает он с притязаниями, подобными притязаниям Церкви. Только Церковь претендует на обладание душой человеческой и берет на себя задачу водить человеческими душами. Никогда государство не претендует на власть над человеческой душой, оно знает свои границы. Для государства остается непроницаемой глубина человеческого духа. Самое деспотическое государство не требует, чтобы души человеческие отделись ему в самом священном для них. Государство сажало в тюрьмы и казнило, но не требовало духовного себе подчинения. Не требовало мирское, секулярное государство. Но

Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия filosoff.org
требовало государство теократическое, выступавшее с универсалистическим притязанием, мнившее себя священным церковным государством. С этим же притязанием выступает социализм в небывалой по своей крайности форме. Он хочет выдрессировать механически человеческие души, вымуштровать их настолько, чтобы они чувствовали себя хорошо в социальном муравейнике, полюбили казарменную жизнь, отказались от свободы духа. Социализм хочет приготовить счастливых младенцев, не знающих греха. Христианство прежде всего дорожит свободой человеческого духа и потому не допускает возможности механической дрессировки человеческих душ для земного рая. Оно предоставляет это дело антихристу.

Социализм прав, когда он ставит предмет и содержание народной воли выше самой народной воли, выше формального волеизъявления. Если есть какое-либо качественное содержание народной воли и какая-либо высшая цель в жизни народа, то это содержание и эта цель должны быть поставлены выше самой формальной воли народа. Тогда релятивизм преодолевается, обретается достойный предмет. Та достойная цель, к которой устремлена народная воля, должна быть выше самой народной воли. Этой цели должна быть подчинена общественная жизнь. Но целью жизни может быть лишь духовная жизнь и содержанием жизни может быть лишь общественное содержание. Поэтому в основу человеческих обществ должны быть положены религиозно-духовные начала, которые должны быть поставлены выше всякого самоутверждения человеческой воли. И свобода человека, свобода духа может быть спасена лишь на почве узнавания и обретения таких религиозно-духовных начал, лишь только обращенностью к божественной воле, так как человеческое своеволие и человеческий произвол истребляют свободу человека. Страшно человеку попасть в зависимость исключительно от человеческой воли, от человеческого произвола, от господства масс человеческих, не подчиненных никакой Истине, никакой Правде. Так ставится проблема неизбежного ограничения самодержавия демократии, как и всякого самодержавия человеческого, как и самодержавия монархического. Социализм обозначает собой кризис гуманизма, кризис человеческого самоутверждения, формулированного в демократии. Социализм переходит уже к какому-то нечеловеческому содержанию, к нечеловеческой коллективности, во имя которой все человеческое приносится в жертву. Маркс – антигуманист, в нем человеческое самоутверждение переходит в отрицание человека. Демократия еще гуманистична. Социализм уже по ту сторону гуманизма. Социализм есть реакция против новой истории и возврат к средневековью, но во имя иного бога. Новое средневековье должно быть подобно старому, в нем будет своя обратная теократия. Но когда кончается царство гуманистическое, царство секулярной гуманности, тогда раскрываются противоположные бездны. Социалистическое государство походит на теократию и имеет теократические притязания, потому что оно есть сатанократия. В нем общество, общественный коллектив, становится неограниченным деспотом, более страшным, чем деспоты древней Ассирии и Персии.

III

Владимир Соловьев еще говорил, что для того, чтобы победить социализм, нужно признать его правду. С социализмом нельзя бороться "буржуазными" идеями и нельзя противопоставлять ему капиталистическое и буржуазно-демократическое общество XIX и XX веков. Буржуазное общество и породило социализм, и довело до него. Социализм есть плоть от плоти и кровь от крови капитализма. Они стоят на одной и той же почве, один и тот же дух или, вернее, одно и то же отрицание духа движет ими. Свое безбожие социализм унаследовал от буржуазно-капиталистического общества XIX века – поистине самого безбожного, какой только знает история. В нем уже нарушено было должное отношение человека к человеку и человека к материальной природе. Экономизм цивилизации XIX века, извративший иерархический строй общества, и породил экономический материализм, верно отразивший самую действительность XIX века. В этой действительности духовная жизнь была только надстройкой, отражением, приспособлением. Поклонение Мамоне вместо Бога одинаково свойственно и капитализму, и социализму. Социализм не есть утопия или мечта, социализм есть реальная угроза и предостережение для христианских народов, суровое напоминание им о том, что они не исполнили завет Христа, что они отступили от христианства. Иногда обосновывают капитализм тем, что человеческая природа зла, что насильственно этого Зла не победить, что социализм предполагает добрую природу. Но забывают, что может наступить исторический час, когда зло человеческой природы, именно зло ее примет новую форму. Злая природа создает социализм. Капитализм, как духовно-этическая категория, появился потому,

Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия filosoff.org
что природа человека во зле лежит. Но потому же возникает и социализм. Отступничество от христианства, измена духовным основам и духовным целям жизни должны вслед за стадией капитализма привести к стадии социализма. Или нужно начать реально осуществлять христианство и обратиться к духовной жизни, восстановить иерархически-нормальный строй жизни, подчинить экономику духу, ввести политику в подходящие ей границы.

Социализм притязает иметь содержание и цель, притом истинное содержание и истинную цель. Этим он отличается от демократии, которая раскрыта для всех содержаний и всех целей. Социалистическое содержание жизни и социалистическая цель жизни таковы, что они вызывают фанатическую настроенность у своих адептов. Но что это за содержание и что это за цель? Содержание социализма есть фикция, он так же бессодержателен и так же неонтологичен, как и демократия. Что в социализме должно быть отнесено к содержанию и цели жизни, что не есть лишь средства и орудия жизни, целей, вне самого социализма находящихся? Обобществление орудий производства не есть ведь цель и содержание жизни. В экономике вы не найдете ничего, чтобы относилось к целям, а не средствам жизни. Экономическое равенство не цель жизни и не содержание жизни. Организованный производительный материальный труд, который обоготворяется социализмом, тоже ведь не есть цель жизни и содержание жизни. Социалистическое обоготворение без качественного материального труда рождается от утери цели и смысла жизни. Цели человеческой жизни померкли в ту эпоху, которая выдвигает социализм, и окончательно подменялись средствами жизни. Они померкли раньше, они закрылись еще в буржуазной цивилизации XIX века, в экономизме этого века, в поглощенности внешним устройством жизни. Духовного содержания нет ни в социализме, ни в демократии. А поистине содержание жизни и цели жизни можно искать лишь в духовной действительности, лишь в духовной культуре. Цели жизни и содержание жизни могут быть лишь духовными, они не могут быть социальными, их нельзя полагать в политических и экономических формах. Никакая социальная и политическая идеология не доходит до истинного содержания, если она не обретает его в духовной жизни, в подчинении всех социальных и политических форм духовной цели. Содержательность социализма кажущаяся. Социализм в роковой своей диалектике лишь раскрывает духовную бессодержательность современной цивилизации. "Идея" пролетариата, во имя которой льется столько крови, которая вызывает такую фанатическую себе преданность, оказывается совершенно бессодержательной идеей. Она говорит об орудиях жизни, но ничего не говорит о самой жизни. До целей жизни социализм так и не доходит. Жалкий лепет о новой пролетарской душе и новой пролетарской культуре вызывает некоторое чувство неловкости у самих социалистов. Никаких признаков рождения новой души нет, душа остается старой душой ветхого Адама, полной корысти, зависти, злобы и мести. Ново лишь то, что в этой душе ослабело чувство греха и затруднилось для нее покаяние. Никаких признаков новой пролетарской культуры, нового пролетарского творчества нет. Существует лишь понижение качества культуры, принижение ее до требований технической цивилизации. Социализм живет за счет буржуазной культуры, умственно питается материализмом буржуазного просветительства. В социализме есть новое – возникновение нечеловеческого коллектива, нового левиафана. Но в этом жутком коллективе, страшном чудовище погибают все цели и содержания жизни, угашается всякая духовная культура, в нем нет новой человеческой души, потому что нет уже никакой человеческой души. Внутренняя диалектика демократии и социализма научает нас, что нельзя искать содержательной и праведной народной воли по внешним, социальным и политическим признакам. Нет праведной воли вне самой праведности воли, вне самой святости воли. Необходимо реальное достижение праведности, победы над грехом, просветление и преобразование, чтобы воля человеческая, воля народная осуществляла праведную жизнь, чтобы творилась жизнь в Истине. Никакими внешними знаками, никакими симуляциями нельзя заменить реального преобразования. Переодевание, перемена одежд мало помогает. Под буржуазными или социалистическими одеждами может скрываться одно и то же содержание или одно и то же отсутствие содержания. Перед каждым обществом, перед каждым народом стоит, прежде всего, религиозная задача. Ибо просветление и преобразование воли, наполнение ее божественными предметами есть задача религиозная, а не социально-политическая. И все социально-политические задачи должны быть подчинены этой религиозной задаче. Содержание жизни может быть лишь религиозным содержанием. Содержание жизни есть вхождение в Божью жизнь, то есть подлинное бытие. Воля народа, воля пролетариата есть грешная воля, и потому она причастна небытию и может создать царство небытия. Эта воля должна склониться перед высшей волей, перед святой волей, перед Божьей волей. Тогда она осуществляет бытие. Суверенитет принадлежит не народу, не пролетариату, а Богу, т.е. самой Истине,

Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия filosoff.org
самой Правде. И Божьей, а не своей воли нужно искать в жизни общества, в жизни государства. Это положение должно быть направлено не только против "левых", демократов и социалистов, но и против "правых", монархистов. Демократии нельзя противопоставлять насильственного выражения человеческой воли привилегированных групп обществ. Задача духовного просветления и преображения, обретения Божьей воли и Божьей правды не есть только личная задача, стоящая перед индивидуальной душой. Это также задача общественная, задача историческая, стоящая перед целыми народами. Духовные силы, Божьи энергии действуют не только в личной душе, но также в душе обществ, в душе народов, в истории. Не о личном совершенствовании тут идет речь, а о духовных изменениях и обретениях в жизни обществ и народов, в судьбах истории. Личность и общество не могут быть оторваны и изолированы друг от друга. На этих путях мысли мы приходим к постановке проблемы теократии. Разрешается ли в теократическом типе поставленная нами проблема?

IV

В жизнь европейских обществ победно вошли сначала демократия, а потом социализм, потому что старые теократические общества внутренне разложились. Это был неотвратимый процесс. Такова судьба. Одна судьба объединяет путь человеческий от теократии до социализма. Неудача и несуществование теократии роковым образом влекли к опыту демократии и опыту социализма. Так изживалась одна историческая неудача за другой, и причина неудачи всегда одна – реальное преображение жизни заменяется внешними и формальными знаками того, что общество – теократически-сакрально или социалистически-сакрально. Теократия была сознательно символична, социализм же в сознании своем реалистичен. Но и там, и здесь достигаются лишь знаки того совершенного строя, к которому стремятся, лишь симулируют его. И старые теократии, западная, папистская, и восточная, императорская, потерпели неудачу и разложились, потому что в них реально не достигалось Царство Божье на земле, а лишь внешне символизировалось, формально ознаменовывалось. Теократическое государство выродилось в симуляцию священного царства, все более и более теряя свое священное содержание. Средневековый теократический замысел – один из величайших замыслов истории. Но свобода человеческого духа, соглашающаяся на осуществление Царства Христова на земле, не была в нем принята во внимание. Царство Божье не может быть осуществлено насильно. Искание свободы и толкнуло народы на путь демократии. Человек пошел путем автономного самоопределения, самоопределение перешло в самоутверждение, самоутверждение привело к самоистреблению человека. Такова трагедия новой истории. От гетерономии неизбежен был переход к автономии. Общество, основанное на гетерономии, не может вечно существовать, автономное сознание неизбежно пробудится. Но автономия должна быть лишь путем к теонии, к высшему состоянию, к свободному принятию воли Божьей, свободному подчинению ей. В новой истории автономия привела не к теонии, а к аномии. Но в аномии автономия сама себя пожирает, перерождается в злейшую гетерономию. Это мы и наблюдаем в социализме. В старом теократическом обществе теония не была автономной, и потому подлинная, реальная теократия не достигалась. В новом автономном обществе теонии совсем нет, и потому общество это не имеет никакого онтологического содержания. Символизм старой теократии имел все-таки до времени, до известного возраста человечества подлинно священное значение. Старые общества были полны священной символики. И это имело огромное значение в воспитании и водительстве христианских народов. Но должен был наступить момент в жизни народов, когда они пожелают перейти от символизма к реализму; к наиреальнейшей жизни. Но это не будет реализм онтологический и мистический, реализм просветления и преображения жизни, это будет реализм эмпирический и даже материалистический, иллюзорный, мейнстримный реализм. Этот реализм не будет иметь никакого существенного содержания, он будет формалистичен, весь будет во внешних ознаменованиях, а не бытийственных достижениях. Есть один только путь к Царству Божьему, к истинной теократии, это реальное его осуществление, то есть подлинное достижение высшей духовной жизни, просветление и преображение человека и мира. Вне реального достижения высшей духовной жизни, то есть вне перерождения, вне нового духовного рождения никакое совершенное общество и совершенная культура недостижимы. Нельзя только символизировать высшую духовную жизнь и, в конце концов, симулировать ее, нужно реально ее достигать. Реальное же достижение высшей духовной жизни не имеет слишком приметных признаков. И потому сказано, что Царство Божье приходит неприметно. Слишком приметное осуществление Царства Божьего всегда подозрительно и всегда указывает на фальшь. К старым теократиям, западной и восточной, нет возврата, ибо нет возврата к внешнему ознаменованию Царства Божьего без

Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия filosoff.org
реального его достижения. Симуляция "христианского государства" не поможет. Эта симуляция и привела к краху, к опыту демократии и социализма. А как создать подлинное христианское государство, христианское общество? Для этого необходимо духовное просветление и преображение. Быть может, катастрофы и великие испытания приведут к нему. Но подлинно христианское государство не будет уже государством. Необходимо не выбрасывать всё во вне, не ознаменовывать и не симулировать внутреннюю жизнь, а погружать всё в духовную жизнь, вернуться на родину духа. Это – революция более глубокая, чем те, которые делают внешние революционеры.

Мы переживаем мировой кризис всех социально-политических идеологий и форм. Всё уже как будто изжито во внешней жизни, и ничто уже не может слишком вдохновлять цивилизованные народы. Наступает социально-политическая старость. Только русский народ обнаружил еще огромную энергию разрушения и попытался осуществить самую безумную из утопий. Рушатся старые общества, в которых были еще остатки теократических санкций. Делаются судорожные попытки их реставрировать. Но это дело безнадежное. Старое теократическое государство восстановить нельзя, к нему нет возврата, потому что оно не осуществляло Божьей правды, лишь во внешних знаках делало вид, что осуществляет ее. Владимир Соловьев объяснял падение Византии тем, что она не делала даже попыток на деле осуществлять христианство. Это можно сказать с некоторыми вариациями и смягчениями про все старые теократические государства, несшие в себе семя гибели. Можно было бы сказать, что не христианство не удалось, а не удалось дело Константина Великого, хотя оно и имело провиденциальное значение. Христианство как бы возвращается к состоянию до Константина. Русская православная Церковь определено к этому состоянию вернулась. Быть может, христианство предназначено к тому, чтобы вернуться еще дальше назад, к катакомбному состоянию и оттуда вновь победить мир. Мало есть шансов на то, что новое царство Кесаря пожелает быть христианским. И никакие новые симуляции христианского государства не приведут к подлинно реальным бытийственным достижениям. Мы вступаем в эпоху убийственных разоблачений, когда придется жить разоблаченными реальностями. В этом значение нашей трагической и безрадостной эпохи. Христианский исторический пессимизм вступает в свои права. Необходимо отказаться от розовых иллюзий, от слащавого пессимизма. Но этот относительный пессимизм не должен помешать нашей устремленности вглубь духовной жизни. Падение внешних иллюзий обращает к внутренней жизни.

Безбожная и лицемерная цивилизация XIX и XX веков и торжествует свои победы, и переживает смертельный кризис о своих основах. Она породила мировую войну – детище безграничной похоти жизни в современной цивилизации. И мировая война оказалась началом ее разрушения. И напрасно мечтают о мирной буржуазной жизни, о возврате к основам буржуазной цивилизации XIX века, которая представляется утопией чуть ли не совершенного общественного состояния. Катастрофы неслыханных войн и революций были заложены в основах этой цивилизации, и о возвращении к состоянию общества до начала мировой войны мечтают лишь безумцы, хотя бы безумие их казалось очень рассудительным. Трагизм современного кризиса в том, что в глубине души никто уже не верит ни в какие политические формы и ни в какие общественные идеологии. Только коммунизм пытается еще утверждать себя с демоническим напряжением воли и кровавым фанатизмом. Но он погибает от смертельных ударов, которые он сам наносит собственной идее. Не только монархии рушатся, но и демократии переживают кризис, напоминая агонию. Рушатся старые системы государства и хозяйства, и европейские общества вступают в эпоху, схожую с ранним средневековьем. Проблема демократии перестала уже быть политической проблемой, она стала проблемой духовно-культурной, проблемой духовного перерождения общества и перевоспитания масс. Демократии провозгласили свободу выбора, но нельзя долго задерживаться на этой свободе, нужно ею воспользоваться, нужно сделать выбор правды, подчиниться какой-то истине. А это выводит за пределы демократии. Единственным оправданием демократии будет то, что она сама себя преодолевает. В этом будет ее правда. Современные демократии явно вырождаются и никого уже не вдохновляют. Веры в спасительность демократии уже нет. Демократы – это те, про которых сказано, что они не холодны и не горячи и потому будут извергнуты. Количесвом нельзя добыть истинной жизни. Монархисты, несмотря на значительность самого монархического принципа, движутся негативными и бессильными чувствами, нередко полны злобы и мести, и сама монархия для слишком многих из них есть лишь орудие восстановления их нарушенных интересов. И по-старому принудить народы к монархии будет нельзя. Народы должны свободно ее захотеть, чтобы она могла осуществиться, но в этом случае она будет совсем новой. В жизни хозяйственной, в строе социальном рухнет капитализм, пораженный

Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия filosoff.org
смертельными ядами, им самим выработанными. К тому
индустриально-капиталистическому строю, который существовал до мировой войны,
возврата нет, ибо он и породил все несчастья человечества. Но поколеблена уже
надежда и на то, что капиталистическая система "может быть заменена системой
социалистической. В социализм уже нельзя верить. Он перестал быть невидимой
вещью, которая обличается в вере, он стал видимой вещью. И как видимая вещь,
которая может быть обличена в знании, он переживает кризис не меньший, чем
капитализм, он ведет человеческое общество к окончательной безвыходности.
Духовные основы труда, мотивация труда определяют хозяйственную жизнь народов.
Эти духовные основы труда разрушены, и народам грозит голод. Мотивация труда
капиталистических обществ не может быть восстановлена. Народы нельзя будет
принудить к той дисциплине труда, которая господствовала в капиталистическом
обществе, в этом отношении случилось что-то бесповоротное. Социализм же сам по
себе менее всего способен создать новую дисциплину труда, дать новое его
духовное обоснование. Он обоготворяет труд, делает из него кумира и совершенно
его разлагает, упраздняет тот рабочий класс, во имя которого готов совершить
какие угодно кровавые насилия. Экономический вопрос, как и политический вопрос,
в современном человечестве становится духовным вопросом, он сам по себе
неразрешим. Восстановление труда предполагает духовное возрождение. Но социализм
рушится вслед за капитализмом не только в силу своей хозяйственной негодности,
но также в силу своей духовной порочности. Выявляется сатанократическая природа
социализма. Социализм претерпевает такую же страшную неудачу, как и все формы
общественности. И это будет самой роковой неудачей до перехода на новый путь.
Существует христианский социализм. Но не следует придавать слишком большое
значение словам. Я готов себя признать христианским социалистом. Но это очень
несовершенное словоупотребление. Христианский социализм не есть настоящий
социализм, и настоящие социалисты его терпеть не могут. Социализмом в строгом
смысле слова следует называть направление, которое внешним,
материально-насильственным путем хочет разрешить судьбы человеческого общества.
Не таков христианский социализм. Он только признает неправду
индивидуалистически-капиталистического строя. Но главная беда в том, что старый
христианский социализм есть очень палиативное, нерадикальное по своему принципу
направление. И потому влияние его не может быть сильным. Христианство глубже
должно брать проблему общественности.

Угасает вера в политическое и социальное спасение человечества. Подводятся итоги
ряду столетий, в течение которых происходило движение от центра и внутреннего
ядра-жизни к периферии, на поверхность жизни, к внешней общественности. И чем
более общественность делается пустой и бессодержательной, тем сильнее становится
диктатура общественности над всей жизнью человеческой. Политика обвила
человеческую жизнь, как паразитарное образование, высасывающее у нее кровь.
Большая часть политической и общественной жизни современного человечества не
есть реальная онтологическая жизнь, это фиктивная, иллюзорная жизнь. Борьба
партий, парламенты, митинги, газеты, программы и платформы, агитации и
демонстрации, борьба за власть – все это не настоящая жизнь, не имеет отношения
к содержанию и цели жизни, во всем этом трудно добраться до онтологического
ядра. В мире должна начаться великая реакция или революция против господства
внешней общественности и внешней политики во имя поворота к внутренней духовной
жизни, не только личной, но и сверхличной духовной жизни, во имя содержания и
цели жизни. Людям, находящимся во власти внешнего, это должно казаться призывом
к уходу из жизни. Но что-нибудь из двух – или духовная жизнь есть величайшая
реальность и в ней нужно искать большей жизни, чем во всем шуме политики, или
она нереальна и тогда ее нужно отрицать, как ложь. Когда всё ощущается изжитым и
исчерпанным, когда почва так разрыхляется, как в нашу эпоху, когда нет уже
надежд и иллюзий, когда все разоблачено и изобличено, тогда почва готова для
религиозного движения в мире. Так всегда бывало. Так было и в эпоху античного
мира. Мировое значение социализма я вижу в том, что он ставит человечество перед
дилеммой: или единение и братство людей во Христе или единение и товарищество
людей в антихристе. Все остальное, как переходное и поверхностное, разлагается и
распадается. Дело уже так далеко зашло – и важно сознать это. Это понимал
Достоевский, понимал и Владимир Соловьев. Это должны и мы понять до глубины.
Понимать такие вещи – в традициях русской мысли. Русская революция помогает
этому пониманию. Революция произошла в России, когда либеральная демократия уже
изжила себя и отцветает, когда гуманизм новой истории подходит к концу. И в
русской революции осуществляется крайний антигуманистический социализм. Русский
народ, согласно особенностям своего духа, отдал себя в жертву для небывалого
исторического эксперимента. Он показал предельные результаты известных идей.

Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия filosoff.org
Русский народ, как народ апокалиптический, не может осуществлять срединного гуманистического царства, он может осуществлять или братство во Христе, или товарищество в антихристе. Если нет братства во Христе, то пусть будет товарищество в антихристе.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!